

Войнов, А. Крутые вершины / А. Войнов // Звезды подвига : На земле Афганистана / Сост. И. М. Дынин. – М.: Воениздат, 1985. – С. 108–122.

КРУТЫЕ ВЕРШИНЫ

Гвардии майор Василий Васильевич Пименов родился в марте 1954 года в городе Витебске. В 1975 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. Командовал учебным взводом, ротой, затем был назначен начальником штаба батальона.

С 1982 по 1984 год командовал парашютно-десантным батальоном, входившим в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Удостоен звания Героя Советского Союза, награжден орденом Красной Звезды и медалями. С 1984 года — слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе.

...Транспортный самолет зарулил на стоянку. Медленно опустилась аппарель грузового отсека. В лицо пахло непривычно горячим воздухом. Солнце палило нещадно. На горизонте, куда ни глянь — синели громады гор. Где-то далеко за ними остались его прежняя служба в учебном подразделении, его дом и семья. Здесь, на афганской земле, начиналась новая страница офицерской биографии коммуниста Василия Пименова. Впереди были два года службы, полной опасностей и лишений. Знание и опыт прошлого, твердый характер и убежденность в правоте дела, ради которого он оказался здесь, придавали ему уверенность в своих силах.

На следующий день он принял под свое командование парашютно-десантный батальон, а еще через три дня вывел его на тактические занятия.

Позже, анализируя свои впечатления от того полевого выхода, где он впервые командовал батальоном, Пименов про себя назвал занятие полезным. На всех его этапах роты батальона и приданные подразделения действовали как хорошо отлаженный механизм. Любые распоряжения выполнялись точно и без промедления. «Как в учебном фильме», — подумал Пименов. Это сравнение ему понравилось. Он был окрылен первым успехом. Было приятно сознавать, что ему доверили командование хорошо подготовленным воинским коллективом, что сегодня он лучше узнал своих подчиненных и убедился в том, что вполне может положиться на их опыт и мастерство. К тому же это занятие готовил и проводил он сам и ни во время подготовки, ни в ходе его не сделал ничего такого, что могло дать повод подчиненным сомневаться в его командирской зрелости.

Но он не обольщался первой победой. Жизнь не раз учила его трезво оценивать свои достижения и не слишком полагаться на удачу. Удача, по твердому убеждению Пименова, была отнюдь не делом случая, счастливым стечением обстоятельств, а исключительно результатом большого и самоотверженного труда, постоянного стремления совершенствовать свое мастерство и ни при каких обстоятельствах не довольствоваться достигнутым.

Так рассуждал комбат после первого полевого выхода.

А вскоре гвардии капитан В. Пименов получил приказ: совершить марш в указанный район и прикрыть участок горной дороги, на которой в последнее время активизировались действия душманов.

Из лагеря вышли рано утром. К полудню колонна втянулась в небольшое горное селение. Чтобы сократить путь, Пименов решил идти по руслу высохшего канала, который должен был вывести их на дорогу.

Уже несколько часов они поднимались в гору и порядком устали. Стоял изнуряющий зной. Пора было сделать привал. Но Пименов знал, что надо как можно быстрее выйти из селения. Группа находится в невыгодном тактическом положении. По обе стороны вдоль русла канала тянулись непрерывные ленты дувалов, и здесь негде было развернуться. Пименов торопил подчиненных, стараясь ничем не выдать собственной усталости.

Комбат сначала не понял, что произошло. Ему показалось, будто где-то над головой сыпанули сухой горох в пустую консервную банку. Но уже через мгновение он почувствовал в непонятном звуке угрожающий ритм. Кто-то предостерегающе крикнул: «Ложись!». Пименов бросился на выжженную солнцем каменистую землю. Впереди, метрах в десяти, брызнули осколки камней, взметнулись фонтанчики пыли.

С вершины высоты, где на фоне мутного от зноя неба виднелись редкие строения, бил крупнокалиберный пулемет. Пименов подполз к дувалу. Все, кто был в поле его зрения, еще раньше сделали то же самое.

Пулемет бил длинными очередями. Пули ложились спереди и сзади, рикошетили, со свистом пролетали над головой. Острое, незнакомое ощущение опасности сковывало волю. В какой-то момент Пименову показалось, что он видит неприятный сон.

Голос радиста, который лежал в двух шагах от него, вернул ощущение реальности происходящего.

— Товарищ капитан, я, кажется, ранен, — сообщил тот необычно спокойным голосом, как будто речь шла о пустяке и он стеснялся потревожить командира.

Капитан посмотрел на солдата. Тот лежал на боку, спиной к вершине высоты, с которой методично бил пулемет. Поза связиста показалась Пименову странной. Но тут он понял, что солдат прикрывает собой радиостанцию.

— Да вы не волнуйтесь, рана пустяковая, — снова заговорил радист. — Видать, осколком камня щеку царапнуло.

Комбат заглянул в лицо радиста. Оно было удивительно спокойным. Из-под светлых ресниц на него внимательно смотрели голубые глаза. В них не было ни страха, ни боли.

— Товарищ командир, — неожиданно вновь заговорил солдат, — вас вызывают на связь.

Пименов подполз поближе и, взяв трубку, услышал знакомый голос, который потребовал доложить обстановку. Пименов, еще не вполне овладев собой, сбивчиво обрисовал ситуацию. Но через минуту он справился с волнением и доложил о своем решении направить часть группы под командованием гвардии капитана А. Ищенко в обход предполагаемой позиции пулемета.

Ищенко с группой вышел к господствующей высоте с неожиданного для противника направления. Душманы, заметив опасность, не стали ввязываться в бой и отошли в горы.

Так Василий Пименов познакомился с коварной тактикой бандитов, которые наносили удары исподтишка.

Первое серьезное испытание многому научило комбата. Вновь и вновь воскрешая в памяти подробности пережитого, он пристрастно анализировал свое решение на марш, свои действия и поведение в опасной ситуации. Пришлось признать, что, услышав свист пуль над головой, он

поначалу просто растерялся. В то же время Пименов с удовлетворением отметил, что сумел побороть минутную слабость и принять в той трудной обстановке правильное решение. Эти размышления привели его к переоценке такого известного понятия, как ответственность командира. Если раньше он вполне сознавал ее и этого было достаточно, то теперь он как бы потрогал ее руками и убедился, что она куда больше, серьезнее, потому что ему доверены не только обучение и воспитание подчиненных, но и их жизнь.

Это открытие сделало капитана Пименова чрезвычайно щепетильным в вопросах обеспечения подчиненных положенными нормами довольствия, обмундирования, снаряжения. Комбат всегда лично контролировал, как устроен быт солдат и сержантов, заботился об их полноценном отдыхе и медицинском обеспечении. Вместе с тем он стал еще требовательнее и строже в вопросах боевой и физической подготовки, справедливо считая, что боеспособность его батальона зависит не только от слаженности каждого отделения, взвода, роты, но и от индивидуальной подготовки всех без исключения солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров.

Особо заботился коммунист Пименов об идейной закалке, морально-психологической подготовке десантников. Он каждодневно интересовался настроением людей, своим примером и умелой воспитательной работой вселял в них бодрость духа, готовность успешно выполнить любой приказ.

В тот вечер Василий Пименов задержался в штабе дольше обычного. Наутро были запланированы тактические занятия, и комбат, отпустив начальника штаба отдыхать, решил еще раз просмотреть план занятий, другие рабочие документы. К тому же он ждал своего заместителя по технической части гвардии капитана Соколова, который должен был перед занятиями лично проверить командно-штабную машину и решить, кто завтра поведет ее. Прежний механик-водитель на днях должен был уволиться в запас, и комбат просил зампотеха подобрать замену.

Вопрос только на первый взгляд казался простым. В течение дня Пименов не раз думал о механике-водителе и в душе жалел, что поручил это дело Соколову. Он вполне доверял ему. Но тут случай был особый. Проще всего подобрать замену среди водителей машин командиров рот, возможно, взводов. И это справедливо — у них они самые опытные, самые надежные.

Пименов вдруг вспомнил, как всего несколько дней назад командир роты гвардии капитан Н. Кравченко с присущим ему темпераментом, не жалея красок, расписывал достоинства своего механика-водителя:

— Виртуоз, гонщик! Команды на лету ловит. А как машину понимает!.. Сам воспитал, вырастил. Теперь горя не знаю.

Все это было правдой. И Пименов подумал, что теперь, когда всем известно, что ему нужен механик-водитель, командир роты, должно быть, раскаивается в своем красноречии, в котором он упражнялся не только из природной склонности, но также из желания произвести впечатление па сослуживцев, в том числе и на комбата.

Такой уж человек Кравченко. Любит быть на виду. За словом в карман не полезет, но и дело за ним, как говорится, не пропадет. Приходится, правда, его порой одергивать. Уж больно горяч.

«А механик-водитель у Кравченко и в самом деле стоящий», — подумал Пименов и в который раз пожалел о том, что поручил Соколову подобрать себе механика-водителя, к тому же поставив ему условие: механиков-водителей командиров рот и взводов не трогать.

Открылась дверь, и в небольшую комнату, где располагался штаб батальона, вошел гвардии капитан Соколов. Он был в рабочем комбинезоне, пропахшем соляжкой и машинным маслом. Выглядел озабоченным, немного усталым. Пименову нравились завидная работоспособность и обязательность его заместителя. Ведь все двигатели боевых машин в батальоне беспрекословно признают только его авторитет. Человек добросовестный, требовательный к себе и подчиненным.

— Извините, немного задержался, — сказал Соколов.

— Ничего, — ответил Пименов. — Ведь время для доклада я не назначал.

— Значит, так, — сразу переходя к делу, начал Соколов, — машину я посмотрел. Она в порядке. В подразделениях техника готова. Отмечаю первую роту.

«Молодец Кравченко», — мысленно похвалил Пименов командира роты.

— Занятия и инструктаж механиков-водителей проведены. Замечаний нет. Предлагаю на командно-штабную машину назначить гвардии ефрейтора Копача.

— Копача? — переспросил Пименов. — Что-то не припомню такого. Из какой он роты?

— Из новичков, — уточнил Соколов, — неделю как прибыл из учебного подразделения.

В первое мгновение Пименову показалось, что зампотех шутит. Ведь до этого не было случая, чтобы молодому водителю сразу доверили командно-штабную машину, в которой сосредоточены все средства управления батальоном.

Пименов молчал, оценивая ситуацию. От его внимания не ускользнуло, что Соколов говорил о незнакомом ефрейторе так, будто вопрос уже решен. Но ведь это может сделать только он, комбат.

Мысль неприятно кольнула самолюбие. Но Пименов сдержался. Более того, подумал, что в данной обстановке задавать вопросы — значит усомниться в компетентности офицера, которого он уважал, которому доверял.

— Хорошо, — наконец сказал Пименов, записывая в рабочий блокнот фамилию ефрейтора. — Завтра на тактических занятиях посмотрим, что он умеет.

Утром комбат проснулся раньше всех, вышел на улицу. Темное небо па востоке едва теплилось. Но уже ясно обозначились вершины далеких гор. Воздух был прохладен и свеж. Дышалось легко. Он не спеша пошел вдоль палаток, прислушиваясь к звуку собственных шагов и звону цикад. Дойдя до угла, остановился и стал наблюдать, как все ярче разгорается костер зари, обещая очередной жаркий день. Ощущение покоя и приятной прохлады, такое редкое в последнее время и такое знакомое с детства, настраивало па сентиментальный лад, будило в памяти картины прошлого.

Вот их дом на окраине Витебска. Раннее утро. Они с отцом собираются на Двину рыбачить. Старшие сестры спят. Мама проснулась. Она ворчит спросонья и называет их полуночниками. Отец негромко пытается ее успокоить. Но мама сердится только для виду. Она очень добрая и заботливая. У нее немного усталые глаза и ласковые, теплые руки. Мама помогает им собраться. Теперь отец ворчит: «Сами бы управились». Мама не спорит, но и не уходит. Напоследок запикивает ему в карман куртки, рукава которой за одно лето стали короткими, пригоршню сушек и слегка подталкивает к двери: «Ну, ступай, отец вон уже сердится».

Они тихо выходят, стараясь не шуметь, закрывают за собой калитку. Улица спит. В домах по обе стороны — ни огонька. Непривычный вид спящей улицы, днем шумной и оживленной,

вызывает ощущение тайны и ожидание чего-то необычного, какого-то волшебства. Он еще не знает, что это будет, но уверен в том, что предчувствие не обманет, не подведет. Он никогда не вставал так рано, потому что отец не брал его на рыбалку, каждый раз повторял обидные слова: «Подрасти, выспись впрок». Разве можно спать, когда в жизни так много интересного и каждый новый день сулит новые открытия, не похож па предыдущий!

Тем временем звезды незаметно погасли. Полоска неба на горизонте порозовела. С реки потянул прохладный ветерок. Где-то прокричал петух. В долине у реки робко пробовал голос соловей. И вот наступил рассвет. Когда они пришли на место, первые лучи солнца позолотили реку. «Эх, опоздали на зорьку», — вздохнул отец. «Успели», — подумал Василий и, замерев, стал любоваться затейливой игрой света в речной зыби.

Когда это было? Сколько лет прошло? Странно устроена память. Нет-нет да и подбросит приятный сюрприз. Мог ли он предполагать, что когда-нибудь окажется за тысячи километров от родного дома, в далекой незнакомой стране и вдруг вспомнит подробности и ощущения, давно забытые, но так милые сердцу. Где же это он читал: «Все мы родом из детства». Точнее не скажешь...

Тем временем выглянуло солнце и сразу осветило отроги гор и долину. Умолкли цикады. Начинаясь новый день комбата Пименова. Один из многих, проведенных им в составе ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан.

Гвардии ефрейтор Владимир Копач оказался рослым, широкоплечим парнем. Внимательный взгляд, неторопливые, уверенные движения, сдержанная речь характеризовали его как человека уравновешенного, самостоятельного. Комсомолец, родом с Украины, из рабочей семьи. Вот то небольшое, что успел узнать Пименов из короткой беседы с солдатом перед выходом на тактические занятия. Отдавая последние указания командирам рот, исподволь наблюдал за Копачем, который деловито хлопотал у машины. За завтраком гвардии капитан Соколов, вспомнив вчерашний разговор, решил внести в него ясность. Он рассказал Пименову, что Копач на «отлично» окончил учебное подразделение и уже успел зарекомендовать себя лучшим механиком-водителем среди молодых солдат.

— Он и школу с золотой медалью окончил, и детский сад с похвальной грамотой? — спросил с иронией Пименов.

— Что ж, будем считать, что я дал маху. Надо было сразу все объяснить.

— А ведь я вчера и не требовал объяснений. Да и сегодня не требую, — дружелюбно улыбаясь, сказал Пименов. — Мы как договорились: посмотрим в деле, а там решим, как быть с Копачем.

— И все же не беспокойтесь, — сказал Соколов. — Я хотел вам сюрприз сделать, понимаете — приятный сюрприз.

И он рассказал, что уже несколько дней, еще до того как комбат отдал распоряжение подобрать ему механика-водителя, стажировал Копача на эту должность. Что накануне задержался, потому что вместе с ним готовил машину к занятиям, и лишний раз убедился, что не ошибся в выборе.

Прозвучала команда «По местам». Пименов надел шлем, подтянул ларингофоны и, взглянув на часы, скомандовал:

— Вперед!

— Понял, — отозвался ефрейтор Копач.

И многотонная бронированная машина плавно тронулась с места.

С занятий возвращались под вечер. Все учебные вопросы были отработаны. Пименов лично следил, чтобы и с новичков, и с тех, кто уже побывал не в учебном, а в настоящем бою, семь потов сошло. Это суворовское правило еще в годы учебы в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище стало его девизом, а здесь, в Афганистане, обрело особый смысл. И потому комбат всегда следовал ему, не давая подчиненным расслабиться. Случалось, возвратившись после длительного марша, люди буквально с ног валялись от усталости. Пименов чувствовал себя не лучше других. Но тут же собирал командиров рот и, жестко определив время на прием пищи, обслуживание оружия и техники, отдых, ставил задачи по подготовке и проведению занятий. А после этого лично контролировал, как выполняются его распоряжения в ротах.

Когда батальон вернулся в лагерь, Пименов крепко пожал руку гвардии капитану Соколову:

— Спасибо. Копач меня порадовал. Толковый солдат. На следующий день Владимир Копач был назначен механиком-водителем на машину комбата. Доверие окрылило ефрейтора. День ото дня росли его мастерство и опыт. И когда пришло время держать экзамен на выдержку и находчивость, на мастерство и знание техники, комсомолец Копач не подвел.

Было это на тактическом учении. Батальону предстояло совершить марш, с ходу форсировать водную преграду и вступить в бой. В пути случилось непредвиденное. На машине комбата возникла неисправность в системе смазки двигателя. Машину оставлять было нельзя, и ее взяли на буксир.

Гвардии ефрейтор Копач не стал терять времени. Он нашел неисправность и на ходу, хотя было очень трудно, устранил ее.

Когда батальон стал готовиться к форсированию, машина уже шла своим ходом.

После учения, беседуя с Копачем, Пименов поинтересовался, кто был у него командиром роты в учебном подразделении.

Вопрос был задан не случайно. В свое время Пименов командовал ротой в том же подразделении. И когда Копач назвал фамилию старшего лейтенанта Ростовцева, лицо комбата осветилось улыбкой: «Ай да Ростовцев, ну удружил!».

...Лейтенант Александр Ростовцев прибыл в полк сразу же после окончания училища и был назначен командиром взвода в роту Пименова.

Лейтенант был недоволен распределением.

— Понимаете, — запальчиво объяснял он, — я все четыре года мечтал попасть в полк, настраивал себя, готовился. Мне и во время распределения обещали. А потом вручают направление, гляжу — что-то не то. Мне говорят: «Радуйся, на капитанскую должность едешь!».

Неожиданно лейтенант осекся и с недоумением посмотрел на командира роты. Пименов, который до сих пор внимательно слушал его, улыбнулся.

Ростовцеву, вошедшему в роль, ситуация казалась более чем драматической, а улыбка командира роты — неуместной.

— Извините, товарищ капитан. У вас, возможно, не было проблем с распределением и вам трудно меня понять...

— Да уж — труднее некуда. Семь лет назад я рассказал точно такую же историю своему командиру роты. И знаете, что он ответил? А ничего. Рассмеялся и сказал, что с ним когда-то обошлись точно так же. Теперь понимаете, в чем дело? В армии место службы не выбирают. Настраивайтесь на работу с полной отдачей. У нас по-другому нельзя.

Когда лейтенант вышел, Пименов подумал, что едва ли ему сегодня удалось переубедить молодого офицера и что надо бы помочь ему переменить настроение.

Специфика службы в учебном подразделении (постоянное обновление личного состава роты), участие в общественной жизни (Пименова регулярно избирали секретарем партийной организации батальона) научили его разбираться в людях. Без этого он просто бы не справился со своими многочисленными служебными и партийными заботами. Собственно говоря, он и не делал между ними разницы, будучи убежденным, что партийную зрелость человека можно оценить только по его делам. Поэтому и не придавал особого значения словам лейтенанта Ростовцева, хотя и отметил для себя, что молодой офицер самолюбив, в общении стремится к ясности отношений, но склонен преувеличивать свои заботы и трудности.

После первого разговора их отношения стали сугубо деловыми и касались только вопросов службы. С первых самостоятельных шагов у лейтенанта Ростовцева появились трудности в организации и проведении занятий. Молодой офицер вполне владел методикой обучения подчиненных, но ему явно не хватало опыта. Пименов видел это и старался помочь Ростовцеву как мог. Но время шло, а сдвигов к лучшему не было.

Минуло несколько месяцев. Капитана Пименова назначили начальником штаба батальона, и пока он принимал дела и осваивался в новой должности, лейтенант Ростовцев на некоторое время выпал из поля его зрения. Но случай вновь привлек его внимание к молодому офицеру.

Как-то, анализируя сведения о ходе и результатах учебы, которые регулярно подавали в штаб батальона командиры рот, Пименов обратил внимание на то, что взвод Ростовцева по всем показателям самый слабый в батальоне. Новость огорчила Пименова. И хотя теперь ему не приходилось ежедневно общаться с Ростовцевым — сдав роту капитану В. Медведеву, Пименов тем самым передал ему на воспитание и молодого командира взвода, — он не мог избавиться от мысли, что виноват в затянувшемся становлении лейтенанта.

Возможно, он преувеличивал. Но теперь, узнав, что взвод Ростовцева отстающий, решил действовать. Так подсказывали ему партийный долг, чувство ответственности за роту, которая под его командованием несколько лет была отличной.

Капитан Пименов предложил заслушать лейтенанта Ростовцева о том, как он выполняет служебный и партийный долг. Активисты поддержали партийного вожака, и Пименов стал готовиться к заседанию бюро. Он решил сделать все, чтобы оно стало для лейтенанта не только уроком, встряской, но и помогло в будущем правильно строить работу, улучшить обучение подчиненных.

Каждую неделю капитан Пименов контролировал, как организованы занятия в подразделениях батальона. Побывал он и во взводе Ростовцева, который занимался вождением боевых машин.

Нетрудно было заметить, что дела у руководителя занятий не клеились. Вместо трех учебных мест занятия были организованы лишь на одном. Пока командир взвода руководил вождением, большая часть подчиненных, в том числе и сержанты, ничего не делали. Оказалось,

что младшие командиры не получили от Ростовцева указаний, как организовать занятия по технической подготовке и отработке нормативов.

На все это было указано Ростовцеву на заседании партийного бюро. Коммунисты помогли ему посмотреть на себя как бы со стороны — осмыслить причины недостатков, понять, как впредь не допустить их.

Впоследствии капитан Пименов постоянно интересовался, как идут дела во взводе Ростовцева, часто беседовал с лейтенантом, ненавязчиво давал советы, всячески помогал молодому офицеру. И хотя это не входило в круг его прямых обязанностей, коммунист Пименов не жалел для этого времени. Смысл партийной работы, по его убеждению, заключался прежде всего в том, чтобы, решая масштабные задачи, видеть за ними конкретного человека, уметь пробудить в нем творческую энергию, мобилизовать его силы и знания для успеха общего дела. Проблему эту нельзя было решить на собраниях и заседаниях бюро. Здесь нужна была кропотливая организаторская и воспитательная работа, в первую очередь индивидуальная работа с каждым коммунистом. В ней Пименов видел свой партийный долг, ей он отдавал свои силы, опыт, душу. И то, что дела во взводе Ростовцева вскоре пошли на поправку, было для него лучшей наградой.

Помогать людям раскрыть свои способности, проявить лучшие качества, добрыми делами утвердиться в жизни — так понимает коммунист Пименов свое предназначение. Еще в училище, после первого курса, когда понял, что не ошибся в выборе жизненного пути, сделал для себя очень важное открытие. Вдруг заметил, как много людей помогают ему идти к заветной цели, щедро передают свои знания и опыт, вместе с ним радуются его успехам и переживают за промахи. Первые командиры — подполковник Степанов и капитан Сикорский, подполковники Грачев и Федотов. И через много лет он будет вспоминать о них с чувством глубокого уважения и благодарности. Все эти люди — коммунисты. И все они честно исполняли свой партийный долг и, как эстафету, передали ему свою идейную убежденность, принципиальность, умение видеть в работе главное, трудиться честно и не искать в жизни легких путей. В трудную минуту они всегда были рядом.

Старший лейтенант Пименов был уже командиром роты, когда его перевели на равнозначную должность в другое подразделение, где готовили механиков-водителей боевых машин. Для Пименова, который уже успел зарекомендовать себя умелым воспитателем будущих младших командиров, это было дело принципиально новое. Очень скоро он убедился, что знаний и опыта ему явно не хватает. Засел за учебную и методическую литературу. Но его самообразование затягивалось, а жизнь настоятельно требовала работать с полной отдачей.

Однажды командир батальона капитан Леонов вызвал его в штаб. Поздоровавшись, поинтересовался, как ротный осваивается на новом месте. Пименов давно ждал этого разговора и откровенно поделился с комбатом своими трудностями.

Леонов выслушал его и, вместо того чтобы давать советы, сказал:

— Сегодня вождение в роте старшего лейтенанта Сурина. Поедем вместе и там продолжим разговор.

Рота Н. Сурина по праву считалась лучшей в батальоне, и Пименов был рад, что сможет побывать у него на занятиях.

Выслушав доклад Сурина, комбат разрешил ему продолжать занятия, а сам провел старшего лейтенанта Пименова по учебным местам. Потом сел за рычаги боевой машины и

провез по маршрутам всех упражнений. Побывали они и на пункте управления руководителя занятий.

Старший лейтенант Пименов ловил каждое слово комбата, стараясь ничего не упустить. Все, что он узнал, побывав на занятиях в роте Н. Сурина, очень пригодилось ему.

Прошел год. Рота старшего лейтенанта Пименова вышла в передовые. За успехи в обучении и воспитании подчиненных ему было досрочно присвоено очередное воинское звание.

...Случилось это в конце февраля. Днем по-весеннему яркое солнце едва успевало отогреть землю, как наступала ночь и крепкий мороз напоминал о том, что зима еще не сдалась.

Душманы умело выбрали место для засады. Южный, чистый от снега склон горы, на вершине которой они оборудовали огневые позиции, был крутым, а в некоторых местах почти отвесным. На северном пологом склоне лежал глубокий снег, который тут же оседал под ногами. Глубина его местами доходила до пояса. Гвардии капитан Пименов решил штурмовать гору по южному скалистому склону. Задача была невероятно трудной, но Пименов был уверен в своих подчиненных. Он разделил их на две группы и сам повел одну из них на штурм высоты. Весь день десантники метр за метром поднимались по опасному склону, а к вечеру решительным броском овладели господствующей высотой.

Задача была выполнена. Наступила ночь. Ударил мороз. Гвардии капитан В. Пименов организовал охранение, по радио вышел на связь с группой, которая обеспечивала их действия, закрепившись на склонах горы, затем доложил обстановку командиру. Когда все дела были сделаны, свободные от службы десантники, поужинав, стали располагаться на ночлег.

Пименов, выбрав защищенное от ветра место, устроился поудобнее и закрыл глаза. Он представил себя дома, в отпуске. Будто сидит, удобно устроившись на диване, и гладит шелковистые волосы сына. Тоня накрывает на стол. Сегодня у них семейный праздник.

Завтра же напишу письмо, — подумал Пименов, — пусть Тоня посмеется, узнав, как я между небом и землей мечтал о диване и домашних тапочках».

— Товарищ гвардии капитан, — кто-то легко тряс его за плечо, — проснитесь!

Картина домашнего уюта растаяла. Перед ним на корточках сидел командир минометного взвода гвардии прапорщик Петр Лучшев.

— Что случилось?! — спросил Пименов.

— Да пока ничего. Но надо бы вам посмотреть. Пименов легко встал и, осторожно ступая в темноте пошел за Лучшевым. Тот подвел его к краю площадки, за которой начинался горный склон:

— Смотрите!

Внизу и в самом деле происходило что-то необычное. В кромешной темноте тревожно блуждали огоньки. Пименов понаблюдал некоторое время и убедился, что они приближаются.

— Что будем делать? — спросил Лучшев.

— Быстро поднимайте людей, — распорядился Пименов. — Только тихо. Займите круговую оборону и организуйте наблюдение.

Комбат разбудил радиста и вышел на связь с группой, которая осталась внизу. Ему сообщили, что как будто видят слабые проблески света. Пименов попросил хотя бы примерно определить расстояние. Ему ответили. Он подсчитал длину склона и прикинул, на каком расстоянии от вершины видны огни. Получалось что-то около полутора-двух километров.

Тем временем группа заняла круговую оборону и приготовилась к бою. Гвардии капитан В. Пименов продолжал наблюдать за движущимися огоньками. Сосчитать их было трудно. Они то гасли, то вспыхивали вновь, обтекая подступы к вершине. Сомнений не было. Какие-то люди поднимались наверх, освещая дорогу электрическими фонарями. Кто они? Что им нужно?

Но вот внизу послышались голоса. Потом все стихло и кто-то один заговорил громко, напрягая голос.

Пименов подозвал переводчика.

— Это душманы, — сказал тот. — Говорят, что мы в западне, что их здесь больше, чем звезд на небе. Они окружили нас со всех сторон и в любую минуту готовы обрушить на нас карающий меч аллаха. Но аллах милостив, и они не хотят нашей крови. Поэтому предлагают сдаться и обещают сохранить жизнь.

Внизу некоторое время было тихо. Затем вновь раздался все тот же голос.

— Что он говорит?

— Повторяет то же самое. Предлагает сдаться.

— Все слышали? — тихо спросил Пименов десантников.

— Слышали, — отозвался кто-то. — Пусть попробуют сунуться.

— По местам, — негромко скомандовал Пименов.

Снизу ударил пулемет, затрещали автоматические винтовки. Душманы пошли было на штурм, но, встретив решительный отпор, скатились вниз, и все стихло.

Три трудных дня и три бессонных ночи провели советские воины на горной вершине, обеспечивая беспрепятственное движение машин с продовольствием. Они выдержали нелегкое испытание, проявив высокие морально-боевые качества. За умелые и решительные действия все они были поощрены командованием. Гвардии капитан В. Пименов был награжден орденом Красной Звезды.

Это была первая боевая награда комбата. А потом коммунисту гвардии майору Василию Васильевичу Пименову — уже слушателю Военной академии имени М. В. Фрунзе — была вручена высшая награда Родины — орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза.

В тот памятный день, вернувшись домой, он долго перебирал любительские фотографии и вспоминал тех, кто делил с ним трудности нелегкой и ответственной службы на афганской земле, достойно выполняя свой интернациональный долг. Орденами Красной Звезды награждены гвардии капитан Ищенко, гвардии ефрейтор Григорян и гвардии рядовой Чашкин. Он вглядывался в знакомые лица, открытые, добрые лица людей сильных и мужественных, глубоко сознающих свой патриотический и интернациональный долг. Всех их породнила нелегкая, ответственная служба, которую они несли с достоинством и честью, как и подобает советским воинам.